

Разумный консерватизм

О принципе пространственно-временной универсальности перевода

В докладе на пленарном заседании мы ставили вопрос о том, что передаётся в переводе, и предложили на него ответ в виде трёхуровневой схемы инварианта перевода, которая может также служить схемой эквивалентности между оригиналом и переводом. Однако представления об инварианте для выработки переводческой стратегии, как мы полагаем, не вполне достаточно. В настоящем докладе речь пойдёт об учёте в процессе перевода характеристик целевой аудитории с точки зрения времени и пространства.

В качестве исходного пункта нашего исследования мы берём выдвигаемое нами положение о том, что в идеале любой перевод должен не просто служить функциональным аналогом текста оригинала в культуре переводящего языка (ПЯ), но и сохранять эту способность **на максимально возможном географическом и социальном пространстве и в течение неопределённо долгого времени**. Под географическим пространством мы понимаем территорию, населённую носителями ПЯ (или конкретного варианта ПЯ, на который осуществляется перевод), под пространством социальным – спектр социальных слоёв и групп, на которые разделяется общество носителей ПЯ.

Сформулированный выше принцип мы будем называть принципом **пространственно-временной универсальности** перевода. Перевод универсальный с пространственно-временной точки зрения, таким образом, противопоставляется переводу, сохраняющему свои коммуникативные качества только в рамках узкой аудитории и на ограниченном временном отрезке.

Опора на принцип пространственно-временной универсальности во многом продиктована здравым смыслом. Выбирая потребительский товар (а перевод как результат переводческой деятельности для целей настоящего обсуждения вполне можно считать товаром), мы в большинстве случаев стремимся приобрести вещь, которая прослужит нам как можно дольше и будет сохранять свои полезные качества в наиболее широком спектре ситуаций; иными словами, важнейшими критериями выбора станут срок службы и количество функций вкупе с надёжностью и неприхотливостью в эксплуатации. То есть при оценке перевода мы должны учитывать, насколько широко его можно использовать среди носителей ПЯ и как долго он будет понятным и точным.

Можно возразить, что, во-первых, не меньшую, если не большую роль играет также стоимость товара, во-вторых, в ряде случаев одному многофункциональному предмету разумнее предпочесть несколько более специализированных и качественных и, в-третьих, для определённых категорий товаров долговечность или многофункциональность особой роли не играют.

Так, например, Н.Г. Шахова полагает, что на рынке переводов «во многих случаях гораздо важнее скорость: пусть перевод звучит коряво, главное – информация поступила вовремя»¹. И далее: «Каждый переводит в меру своих способностей, а рынок расставляет всех по своим местам. Один переводчик пользуется высоким спросом... Это позволяет ему установить такую цену на свои услуги, что те, кому нужен перевод «приемлемого» (как некоторые стыдливо формулируют) качества, просто к нему не обратятся. У другого... перевод выходит на троечку; ему будет сложно поднять расценки»². Однако вопрос цены (а именно учёта стоимости перевода как критерия оценки его качества) рассматривать в рамках теории перевода мы считаем нецелесообразным. Согласие с тем, что низкая стоимость работы в определённых ситуациях может оправдать низкое качество перевода,

¹ Шахова Н.Г. Параллельные миры // Мосты №2(10)/2006. – М.: Р.Валент, 2006. – с. 56.

² Там же.

по сути делает ненужной не только саму теорию перевода, но и любой профессиональный подход к осмыслению, описанию или преподаванию переводческой деятельности.

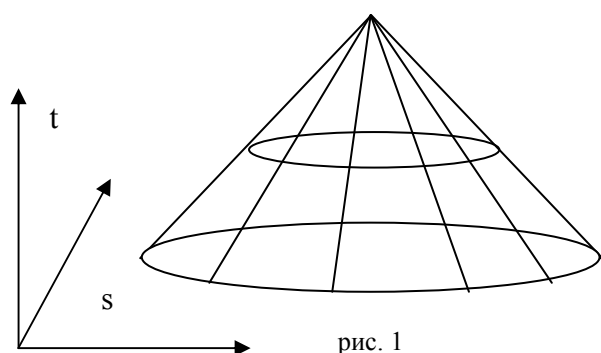
Вопрос о превосходстве нескольких специализированных товаров над одним многофункциональным иллюстрирует довольно жаркие в переводческой среде дебаты о необходимости множественных переводов одного и того же текста, целесообразности новых переводов при существующих старых, а также, если смотреть шире, затрагивает проблему прагматики перевода. Например, в 2001 г. известный переводовед Сьюзан Баснетт в своей статье, опубликованной в газете «Индепендент», предложила – в интересах школьников – переложить произведения Шекспира современным английским языком (т.е., иными словами, сделать внутриязыковой перевод Шекспира). И действительно, с определённой точки зрения идея множественности переводов каждого текста представляется заманчивой: взрослые и дети, специалисты и неспециалисты, те, кто знает язык оригинала, и те, кто не знает, получают перевод, ориентированный специально на них, причём каждый год, пять или, скажем, десять лет этот перевод заменяется новым, отображающим произошедшие за это время изменения в языке и культуре.

Однако объективная реальность такова, что абсолютное большинство текстов (даже художественных, не говоря уже о необозримой массе текстов нехудожественных) переводятся только один раз, причём с нарастанием существующего в мире объёма переводной литературы процент текстов, существующих в разных переводах, будет только снижаться. Метафорически выражаясь, потребителю перевода приходится размышлять не о том, купить ли музыкальный центр или набор узкоспециализированных аудиокomпонентов и какой марки, а о том, способен ли будет единственный на рынке музыкальный электроприбор хоть как-нибудь что-нибудь воспроизвести из его фонотеки.

Выражение о том, что для одних товаров (например, одноразовых целлофановых пакетов) неважна долговечность, а для других (например, роскошных спортивных машин) непринципиальна многофункциональность и живучесть, тоже ничего не меняет. В самом начале мы сформулировали принцип пространственно-временной универсальности как дополнительный по отношению к принципу функционально-коммуникативной адекватности. Иными словами, многофункциональным и долговечным перевод должен быть лишь в той степени, в какой позволяет его функционально-коммуникативная сущность. Разумеется, пакеты из армированной резины гораздо долговечнее целлофановых, но они уже не смогут выполнять функцию дешёвых приспособлений для переноски продуктов от кассы до машины или до дома. А с другой стороны, на пути от кассы до машины долговечность целлофанового пакета играет огромную роль.

Что касается роскошных машин, то, безусловно, их владельцам, как правило обладающим целым автопарком, требуется гораздо меньше универсальности, чем, например, небогатому отцу семейства, выбирающему «рабочую лошадку» на пять-десять лет вперёд. И всё-таки из двух сверхдорогих машин одинаковой красоты и мощи привлекательнее будет та, которая проедет не только по гоночному треку, но и сама осилит путь от трека до гаража.

С учётом всего вышесказанного представляется очевидным, что – при условиях одинаково верной передачи инварианта разными переводами – предпочтительнее окажется более универсальный в пространственном и временном отношении.

Графически разницу между переводами, в которых данный принцип соблюдается и в которых он не соблюдается, можно изобразить следующим образом. На рис. 1 изображен случай, когда вариант перевода достаточно широко понимаем в момент своего появления (в синхронии), однако представляется недолговечным в диахронии. Т.е. с ходом времени аудитория носителей ПЯ, которым этот вариант понятен и которые способны верно интерпретировать его функцию, резко сокращается.

В качестве примера можно рассмотреть недавно вошедшие в широкий обиход журналистов сочетания «сверить часы» и «дорожная карта». Первое в политических контекстах приобрело смысл «согласовать позиции»³; второе является калькой с английского *road map*, которое в дополнение к своему исходному значению, «карта дорог», стало означать «план», «основу для выработки принципов или направления действий»⁴.

Таким образом, вполне вероятно, что, например, предложения “The Tories’ old allies in the European People’s party and Party of European Socialists held meetings... to decide their positions on the jobs, their strategy, views, approaches”⁵ и “Obama’s decision to tackle the Middle East early in his presidential term has been welcomed by all concerned, and he is soon to announce his plan of action awaited eagerly by many”⁶ могут сегодня быть переданы следующим образом:

- Европейская народная партия и Партия европейских социалистов, давние союзники консерваторов, провели совещания, на которых **сверили часы** по вопросам рабочих мест, согласовали стратегии, взгляды, подходы.
- Решение Обамы в самом начале своего президентского срока заняться вопросами ближневосточного урегулирования вызвало одобрение у всех заинтересованных сторон; вскоре должен он представить свою **дорожную карту**, появления которой многие ждут с нетерпением.

Однако, несмотря на распространённость в языке СМИ, выражения «сверить часы» и «дорожная карта» в этих значениях пока в словарях не закрепились, и вполне вероятно, что в скором времени метафорический смысл этих единиц читателю будет так же малопонятен, как сегодняшнему читателю, например, глагол «разъяснить» в контекстах вроде следующего: «...А сову эту мы разъясним...» (М. Булгаков). В начале прошлого века глагол «разъяснить» употреблялся в смысле «покончить с кем/чем-л.», см. например: «В 476 г. Римский сенат окончательно признал падение Западной империи или, выражаясь по-современному, “разъяснил” Римскую империю» (О. Дымов, 1911). А.М. Селищев фиксирует у этого слова новое значение «отменить прежнее распоряжение»⁷. Однако довольно скоро новый смысл ушёл в небытие, и неслучайно иностранные переводчики, натываясь на «разъяснить» в непривычном значении, подчас дают сбой:

Нет, это не лечебница, куда-то в другое место я попал, в смятении подумал пёс и привалился на ковровый узор у тяжелого кожаного дивана, – а сову эту мы разъясним ... (М. Булгаков. «Собачье сердце»)	No, this can't be a hospital, I've landed up somewhere else, the dog thought confusedly and stretched out on the patterned carpet beside a massive leather-covered couch. I wish I knew what that owl was doing here ... (Пер. М. Гленни)
– Вот этих бы врунов, которые распространяют гадкие слухи... вот их бы следовало разъяснить! (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»)	“It's the liars that spread these vile rumours... they're the ones who ought to be explained! ” (Пер. Р. Пивера и Л. Волохонской)

Похожая история произошла со словом «хрипун» (как оно употреблено в «Горе от ума» в характеристике Скалозуба: «хрипун, давленник, фагот»). В пушкинское время «хрипунами прозывали офицеров-фанфаронов, которые старались иметь хватский и высо-

³ Например: «Главы правительств стран СНГ, сегодня, что называется, “сверяют часы” в Астане. В столице Казахстана проходит встреча премьеров. Обсуждают стратегию развития Содружества на ближайшие 10 лет и наиболее острый вопрос сегодня – общие меры по борьбе с финансовым кризисом» (<http://www.ntv.ru/novosti/161620/>).

⁴ См., например, базу данных Принстонского университета «УордНет» (<http://wordnetweb.princeton.edu/perl/webwn?s=road%20map>).

⁵ <http://www.guardian.co.uk/politics/blog/2009/oct/30/kaminski-tories-eu-mainstream>.

⁶ <http://www.guardian.co.uk/commentisfree/cifamerica/2009/sep/02/obama-middle-east>.

⁷ Селищев А.М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926). – М.: Работник просвещения, 1928. – с. 195.

Статья опубликована на сайте о переводе и для переводчиков «Думать вслух»
<http://www.thinkaloud.ru/featureak.html>

комерный вид, стремились отличиться светской ловкостью и выработали у себя своеобразное произношение на французский манер, сопровождаемое, по словам современника, насильственной хрипкостью голоса»⁸. У Пушкина в «Романе в письмах» читаем: «Охота тебе корчить г. Фобласа и вечно возиться с женщинами. Это не достойно тебя. В этом отношении ты отстал от своего века и сбиваешься на *ci-devant* гвардии **хрипуна** 1807 г.». В переводе из офицера-франта получился офицер простуженный или же неотёсанный строевик: “Why do you play the part of Faublas, and for ever spend your time getting mixed up with women? It is not worthy of you. In this respect you have lagged behind the times and act like a *ci-devant*, **hoarse-voiced** Guardee of 1807” (Пер. Дж. Эткен).

Работая над учебным текстом об отделе жалоб и предложений энциклопедии «Британника», одна студентка предложила следующий перевод:

In 1936, it [Britannica – Д.Б.] formed the Library Research Service as a promotion to help its traveling salesmen... So purchasers for many years were also given a bonus of 150 coupons , which could be mailed to the library. (The Wall Street Journal Europe, Apr. 27, 1999)	В 1936 году, чтобы поднять рейтинг энциклопедии и помочь коммивояжерам, была введена услуга библиотечного поиска... Долгие годы покупатели получали бонус в 150 купонов , которые они могли отправить в редакцию и задать любой вопрос.
---	--

Показательно, что слова, выделенные в переводе жирным шрифтом, вызвали сомнение не только у преподавателя, но и у одноклассников автора. Большой толковый словарь русского языка под ред. С.А. Кузнецова (БТСРЯ) отмечает относительно недавно вошедшее в русский обиход слово «рейтинг» как книжное и толкует его как «показатель популярности, авторитета какого-л. лица, общественного деятеля, организации и т. п. в какое-л. время, определяемый социологическим опросом». Очевидно, что энциклопедия не общественный деятель и что речь идёт не о привлечении на её сторону избирателей, а о простом увеличении сбыта. Поэтому тут же был предложен вариант со словом «спрос».

«Бонус» – слово ещё более новомодное и в БТСРЯ не зафиксированное. Судя по наблюдениям, оно употребляется и в значении «премия», и в значении «подарок», и вообще в любом значении, угодном рекламодателю или журналисту. Автор перевода долго не могла поверить, что слово *bonus* можно передать не «бонусом», но в итоге был предложен вариант, где вообще не понадобилось существительного: «В течение многих лет покупатель бесплатно получал 150 бланков, на которых можно было написать свои вопросы и отправить в издательство».

Замена «купонов» на «бланки» связана, конечно, не с тем, что «купон» – слово чересчур свежее, но с тем, что переводчица попыталась придать ему нехарактерное значение. Так, БТСРЯ определяет «купон» как «отрезной талон у некоторых ценных бумаг... на получение процентов с них». Отсюда и выражение «стричь купоны». Понятно, что начиная с 90-х годов прошлого века стали мелькать всевозможные «купоны», не имеющие почти никакого отношения к ценным бумагам («купон на скидку», например), однако и в этих новых оттенках значения чувствуется старая основа – право на получение определённой материальной выгоды. И бумажку, на которой можно написать запрос в библиотечную службу, логичнее всё-таки назвать бланком.

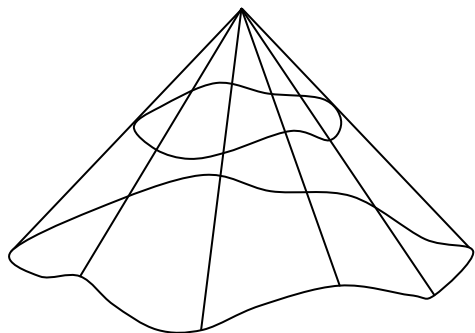
Таким образом, в результате редактуры был получен перевод более точный, понятный более широкому кругу людей и имеющий гораздо больше шансов сохранить свои свойства в будущем.

Безусловно, предугадать судьбу каждого отдельного слова или предложения невозможно. Однако есть определённые признаки, косвенно свидетельствующие о том, что та или иная единица или её отдельное значение может в языке и не задержаться. В первую очередь это:

- 1) некодифицированность (единица отсутствует в авторитетных словарях);

⁸ Виноградов. В.В. История слов. – М.: ИРЯ РАН, 1999. – с. 1040.

- 2) стилевая маркированность (ощущаемая принадлежность к специфическому стилю или жанру);
- 3) субстандартность (ощущаемая связь со внелитературными разновидностями языка);
- 4) семантическая неопределённость (выражающаяся в серьёзных различиях в понимании смысла этой единицы у разных людей);
- 5) фонетико-графическая неопределённость (отсутствие единого общепризнанного произношения и/или написания).

Таким образом, возвращаясь к нашей схеме на рис. 1, можно сказать, что малую высоту конуса (недолговечность языкового явления во времени) переводчик может предугадать по относительно узкому основанию с нечёткими границами (т.е. ограниченной распространённости явления на момент перевода и относительной неопределённости его статуса). Перевод недостаточно универсальный в пространственно-временном отношении имеет место и тогда, когда наш схематический конус («горизонт событий» для языкового явления)

перевёрнут вверх ногами (см. рис. 2). Эта схема изображает гипотетическую ситуацию, когда некое языковое явление, являясь малопонятным на момент выполнения перевода, со временем приобретает популярность и входит в широкий обиход.

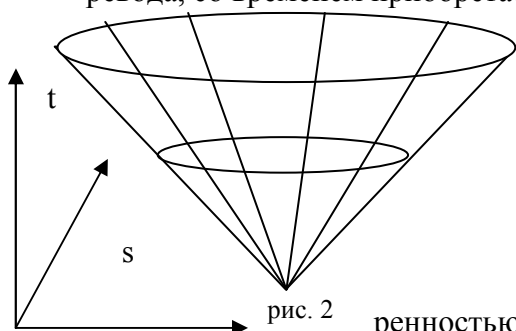

рис. 2 ренностью прогнозировать, что некое явление со временем займёт устойчивую нишу в системе ПЯ, невозможно.

Недостатки подобного положения вещей вполне очевидны: на момент создания текст перевода может верно интерпретировать лишь узкая группа получателей, и в лучшем случае этот перевод приобретет характер общепонятного лишь по прошествии долгого времени. Временная и пространственная ограниченность перевода здесь являются уже не гипотетическими, как на рис. 1, а изначально запрограммированными. Более того, с уверенностью прогнозировать, что некое явление со временем займёт

устойчивую нишу в системе ПЯ, невозможно. В первой трети XX в., когда футбол в нашей стране переживал стадию становления, его терминология (и околофутбольная лексика) отчасти отличалась от современной за счёт большего количества английских заимствований. В ходу был и глагол «кикать», в значении «гонять/пинать мяч»⁹. Переводчица Н.А. Жаринцова в 1916 г. пишет об этом слове так: “There are some English words which we either do not possess at all, or apply in somewhat different circumstances. Such is, for instance, 'kick.' Our equivalent for it (*brykàtsa*) is applied exclusively to the manners of cattle! Football was not known in Russia till the end of last century; and since they have adopted it over there, they also had to adopt the word 'kick' with it—because no one would think of applying the Russian definition for cattle's kicking to human beings. But when we adopt a foreign word we treat it as our own—i.e., like a piece of wax; therefore, the sound 'kick' is treated with us as the football itself is—and as all foreign words are”¹⁰.

Несмотря на весь энтузиазм автора по поводу способности русских и русского языка осваивать заимствования, глагол «кикать» не прижился, и сейчас его встретишь разве что в диком суржики пользователей Интернета, например: «Если хочешь чтоб тебя перестали кикать, смени ник, измени стиль игры диаметрально, учись стрелять из шоки флаки и рокета, и никаму никагда не гавари что ты 77»¹¹.

⁹ Коршак Ю.Ф. Старый, старый футбол. – М.: Физкультура и спорт, 1975. Тж. см.: «“Кикали” и просто консервной банкой или деревяшкой, попавшейся под ногу» (Жжёнов Г.С. Прожитое. – М.: Вагриус, 2002).

¹⁰ Jarintsov N. The Russians and Their Language. – Oxford: V.H. Blackwell, 1916. – с. 4.

¹¹ Орфография и пунктуация автора сохранены.

И тем не менее поборники языковых новаций с чужого плеча довольно часто пытаются оправдать употребление в языке вообще и в переводе в частности всевозможных «киков» тем, что по прошествии времени они якобы должны войти в широкий обиход. Чтобы не ходить далеко за примерами, можно в одном ряду с «киками» упомянуть хотя бы «гиков». В своей книге Линн Виссон посвящает анализу значения слова *geek* – с учётом последних изменений в употреблении – около трёх страниц¹², однако на сайте *kinopoisk.ru* в представлении сериала “*Geeks and Freaks*” прямо сказано, что «в последние годы слова “фрик” и “гик” уже настолько вошли в нашу жизнь, что и в переводе не нуждаются»¹³.

Возникает вопрос, так ли уж много людей, в чью жизнь вошли «фрики» и «гики», и как именно они туда вошли. На форуме «Город переводчиков» даже была дискуссия о том, что значат и как переводятся слова *geek* и *nerd*. Вот только несколько цитат из обсуждения¹⁴:

- ...оба слова используются в отношении людей, уделяющих слишком много времени компьютеру. “*Nerd*” переводится как «ботаник», «ботан» с самой негативной коннотацией («тупица», одним словом), а “*geek*” – это, по-русски, говоря, «отморозок».
- ...*geek* = отморозок??? Видимо, ситуация та же, что и с галимым, иной оттенок значения (территориально или по признаку поколений). Отморозок «в моё время» всегда был чем-то типа подонка.
- Думаю, ситуация с «отморозком» в наши дни несколько изменилась. Теперь это слово приобрело несколько другой смысловой оттенок, ИМХО: недоразвитый, узколюбый, помешанный на чём-то (как в случае английского языка, на компьютере), вызывающий неприязнь и даже жалость.
- Отморозок в «наши дни» (впрочем как и всегда) чаще всего употребляется (и употреблялось) для обозначения бандитов, не соблюдающих никаких правил, ни общепризнанных общественных, ни уголовных (так наз. «закона»). Никакого отношения к компьютерной тематике, а тем более к увлечённым компьютерщикам «не от мира сего» это слово не имеет.
- Очень зависит от контекста. Слово «нерд» активно употребляется в русском языке – если вы пишете для компьютерщиков, лучше писать «нерд», чем «ботан».
- Зубрила (*geek*) и ботаник/зануда (*nerd*), ИМХО.

и т. д., и т. п.

Складывается впечатление, что в переводе слово «гик» всё-таки нуждается, причём в переводе вдумчивом, с учётом узуса *geek* в исходной культуре и коммуникативной задачи. Линн Виссон приводит пример употребления *geek* с положительной коннотацией: “The new president’s apparent enthusiasm for science, and the concomitant rise of ‘geek chic’ can only redound to the benefit of all scientists”. Если игнорировать реальное состояние переводящего языка и принцип пространственно-временной универсальности, в переводе этого предложения вполне может появиться упоминание о том, что с приходом к власти нового президента в моду вошёл «шик гиков» или даже «гик-шик». Но тогда не стоит удивляться, если некоторые русские читатели сделают вывод о том, что Обама дал зелёный свет отморозкам¹⁵.

¹² Виссон Л. Слова-хамелеоны и метаморфозы в современном английском языке. – М.: Р.Валент, 2010. – с. 52–54.

¹³ <http://www.kinopoisk.ru/board/showthread.php?t=34619>

¹⁴ <http://www.trworkshop.net/forum/viewtopic.php?f=25&t=8738> (орфография и пунктуация авторов сохранены).

¹⁵ Чтобы всё-таки прояснить значение слова *geek* в английском языке, приведу несколько цитат из книги Л. Виссон (номера страниц см. выше): «Теперь *geek* – “фанат”, особенно компьютерный, как правило, предпо-

Беда в том, что самые ярые защитники «фриков» и «гиков» обычно существуют в некоей замкнутой и узкой среде, пользующейся своим, специфическим языком. В ряде случаев это приводит к тому, что свой доморощенный жаргон его носители начинают принимать за общенациональный язык: если в нашем офисе говорят «рекрутмент» – значит все говорят «рекрутмент»; если у нас на форме пишут «забанить» – значит все пишут «забанить». Для статьи во внутреннем журнале одной компании, работающей в нефтехимической отрасли, автор написал даже такие строки (орфография и пунктуация сохранены): «Человека нужно принудительно выпихнуть из привычной ему зоны комфорта и поместить в обстановку, для которой есть такое английское слово, не имеющее полного русского аналога – *challenge*. Это вызов, когда судьба бросает тебе перчатку. Компания смотрит за всеми нами и периодически лучшим из нас бросает перчатки, предлагая покинуть нагретое место и заняться чем-то новым – функционально, в новой обстановке или географии». Видимо, в этом конкретном офисе принято писать *challenge* как *challenge*, считать его непереводаемым словом, а заодно и принято думать, что «бросать кому-то перчатку» значит поощрить за хорошую работу (например, новой географией).

На все это можно ответить словами министра народного просвещения адмирала А.С. Шишкова: «...Что значит “употребление”? Надобно ещё слово сие определить. Пять, шесть, десять человек, малоизвестных, неискусных в языке писателей, приемлющих нелепое и отвергающих прекрасное, могут ли служить правилом, что употреблять должно и чего не должно?»¹⁶

Нередко переводчики и переводоведы, защищающие вариант «перевернутого конуса» указывают на то, что новации (и в том числе заимствования), введённые переводчиками, способствовали обогащению ПЯ и даже его формированию и нормализации¹⁷. Однако всерьёз подобные возражения рассматривать нельзя. Совершенно очевидно, что задачи переводчика, работающего во время становления своего национального языка или формирования его литературной нормы, и переводчика, имеющего дело с языком устоявшимся, имеющим стабильную кодифицированную норму и огромный объём литературы во всех стилях, жанрах и по всем предметным областям, резко отличаются. Первому приходится быть новатором поневоле, второй если новаторствует, то часто по незнанию.

Может, например, показаться, что без слова «фрилансер» сегодня в переводческом мире обойтись невозможно. Однако, если хорошо поискать, отыщется гораздо более понятный и потенциально более долговечный вариант: «вольнопрактикующий (переводчик)» (ср.: «На сцену... поднялись два врача: хохлатый земский и лысый вольнопрактикующий» (Н.А. Тэффи. «Факир»), «...случись тут вольнопрактикующий священник, он бы мог быть очень полезен» (Н.А. Лесков. «Бродяги духовного чина»), «...Куницын, Пётр Федорович, вольнопрактикующий адвокат» (А.Ф. Писемский. «Ваал»), «Он был вольнопрактикующий литератор» (Ф.Ф. Вигель. «Записки»)).

И таких примеров множество:

читающий виртуальное общение реальному... Сейчас, как свидетельствует пресса, и для мужчин и для женщин становится модным быть *geek*. Героем “гиков” стал литературный персонаж Гарри Поттер, умный, яркий, но в то же время немножко неуклюжий и погружённый в себя школьник... Слово “гик” сегодня фактически потеряло своё первоначальное отрицательное значение.

¹⁶ Шишков А.С. Разговор между двумя приятелями о переводе слов с одного языка на другой // Собрание сочинений и переводов. Часть IV. – СПб.: Типография Императорской Российской Академии, 1825. – с. 321. Об адмирале Шишкове у многих сложилось довольно однобокое представление: «А, это тот, который про мокроступы!» Однако, по наблюдениям В.К. Ланчикова, есть подозрение, что это слово было приписано адмиралу с целью высмеять его стилистическую позицию – по крайней мере, ни в его трудах, ни в объективных свидетельствах его современников обнаружить «мокроступы» не удалось.

¹⁷ См., например, Борисенко А.Л. Не кричи: «Буквализм!» // Мосты №2(14)/2007.

новое:	хорошо забытое старое:	примеры:
бонус	премия	Размер книги на 1/2 сантиметра больше спичечной коробки. Сквозь книгу деликатно пропущен шёлковый зелёный шнурок, и вся она чрезвычайно похожа на « премии », вкладываемые крупными кондитерскими в конфетные коробки в целях рекламы. (Саша Чёрный. «Владимир Нарбут. Любовь и любовь») Сходно продаем, премию в сувенир даём! (Иванов Е.П. Меткое московское слово. – М.: Московский рабочий, 1985)
брат на реализацию (о товаре)	брат до спуска	...Никита торгует холстами походя, а те холсты берёт он у торговых людей в долг до спуска . (Памятники московской деловой письменности XVIII в. – М.: Наука, 1981) ...а торгую я в наёмной избе маслом конопляным, а масло беру в долг на продажу до спуска . (Там же)
эксклюзивный	исключительный/единственный	Ваше любезное предложение приходится тем более кстати, что мы на днях только были назначены единственными представителями и агентами для всей России Общества Лифляндских Заводов Суперфосфата и других Удобрений. (Sieff M. Manual of Russian Commercial Correspondence. – London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., Ltd., 1917)
депрессивный	стеснённый/подавленный	Пользуемся случаем сообщить Вам, что один из наших клиентов [корреспондентов] на севере России предлагает нам партию отборных боровиков [сушеных грибов]... какую он, ввиду стеснённого [подавленного] положения рынка, продал бы по 25 рублей за пуд. (Sieff M. Manual of Russian Commercial Correspondence. – London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., Ltd., 1917) ¹⁸
тендер	торг	Как к назначенным и... опубликованным торгам для покупки... просроченных лавок никто не явился, а ныне сыскались охотники, кои дают сверх положенной оценки по 200 р. за каждую лавку, то желающие торговаться <...> имеют явиться в Опекунский Совет. (Иванов А.А. История Петербурга в старых объявлениях. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2008) Желающие разобрать старой средний корпус Олсуфьевского дома... для торгу и договору в цене явиться могут в контору строения Е. И. В. домов и садов. (Там же)

Конечно, было бы наивно считать, что все эти и им подобные слова сегодня можно вернуть в обращение, как произошло со словом «обустроить», вошедшим в широкий оби-

¹⁸ Это предложение в справочнике передано следующим образом: “We take the opportunity to inform you that one of our clients in the north of Russia offers us a quantity of choice dried pine-mushrooms... which he would, in view of the depressed state of the market, offer at 25 Roubles per pood. Should you wish to purchase the same, please inform us immediately.” Как видно, язык английской части мало отличается от языка современной английской деловой переписки.

ход после статьи Солженицына «Как нам обустроить Россию», но некоторые из них способны сослужить переводчикам прекрасную службу. Взять, к примеру, слово «контора», отовсюду вытесненное «офисом». Оно оказалось очень кстати при переводе следующего предложения (речь идёт об одежде): “In smart constructions, those lightweight fabrics de rigueur for summer dressing can take you everywhere, **from the boardroom to the boardwalk, from the office to the ocean**”. Выделенные части интересны тем, что автор в целях создания экспрессии сочетает параллельные конструкции с аллитерацией, столь любимой в англоязычной публицистике. Одним из возможных способов передачи аллитерации является рифма¹⁹: «Оказывается, если взяться за дело с умом, из лёгких летних тканей можно сшить вещи, которые везде одинаково хороши – **хоть в конторе, хоть на море**». Отметим, что в этом контексте архаичная «контора» не смутила редакторов глянцевого журнала, и перевод был опубликован²⁰.

Другие приведённые выше примеры «забытого старого» тоже обладают весьма ценной для переводчика особенностью – они понятны почти любому образованному носителю русского языка. В некоторых случаях, даже если само слово читателю раньше не встречалось, догадаться о его значении поможет «прозрачная» внутренняя форма. Наряду с прозрачностью они привлекательны тем, что не несут в себе стилистического оттенка галантерейности, глянцеvitости, брайтон-бичского диалекта, который по-прежнему весьма ощутим для русского читателя в таких словах, как «эксклюзивный», «гламурный», «бренд», «акция» (в значении «мероприятие»), не говоря уже о «сейлзах», «афтерпати» и прочем подобном.

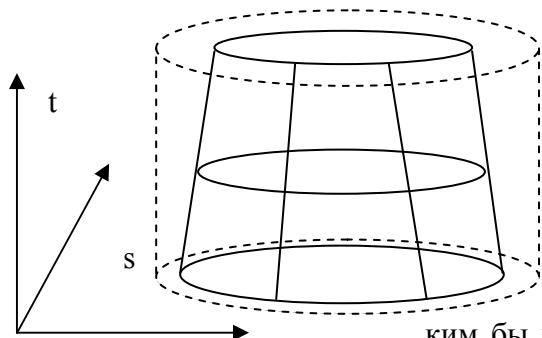

рис. 3

В конечном счёте необходимо стремиться к тому, чтобы пространственно-временная модель перевода как можно больше напоминала цилиндр (рис. 3). Мы намеренно противопоставили на схеме пунктирный цилиндр (идеальный, «всем понятный и бессмертный» перевод) и изображённый сплошными линиями усечённый конус, который обозначает универсальность перевода, достижимую на практике. Безусловно, ка-

ким бы удачным перевод ни был, на кого-то он с самого начала не произведёт необходимого впечатления и со временем его пространственная универсальность неизбежно

будет сокращаться. Но задача переводчика – добиться максимально широкого охвата аудитории в синхронии и по возможности предотвратить устаревание перевода в диахронии.

Сегодня весьма остро стоит вопрос об употреблении в переводных (да и в оригинальных русских) текстах латиницы. Мы отчасти отвечали этот вопрос в одной из статей, опубликованных в «Мостах»²¹. В настоящий момент к публикации в этом журнале готовится большой материал Максима Орла. И хотя сам по себе вопрос о месте и роли латинской графики в русском тексте сложен и требует отдельного освещения, в рамках нашей темы хотелось бы сказать следующее. Сегодня многие не в меру прогрессивно настроенные представители переводческих, журналистских и прочих кругов ратуют за повсеместное употребление латиницы (если не в художественном переводе, то во всех остальных его разновидностях уж точно), мотивируя это требованиями времени. Но, как нам представляется, поборники латиницы совершенно не учитывают принцип пространственно-временной универсальности. Что касается пространства, то многие из тех, кому приходится в том или ином качестве работать с английским языком, убеждены, что английским сегодня «владеют все», при этом суждения обо «всех», как правило, выносятся на основании

¹⁹ См., например, Ланчиков В.К. К вопросу об аллитерации в английской прозе // Тетради переводчика №25. – М.: МГЛУ, 2004 (также размещена на сайте <http://www.thinkaloud.ru/sciencelr.html>).

²⁰ От кутюр на летний лад // Revolution (русское издание) №10/Лето 2009. – с. 31.

²¹ Бузаджи Д.М. Разбор одной контрольной // Мосты №1(21)/2009. – М.: Р.Валент, 2009.

Статья опубликована на сайте о переводе и для переводчиков «Думать вслух»
<http://www.thinkaloud.ru/featureak.html>

общения с людьми своего круга и своей возрастной категории. О том, как сегодня «все» владеют английским можно судить уже по приводившейся выше в качестве примера дискуссии из «Города переводчиков»: даже те, кто причисляет себя к переводческому сообществу, оказались не в состоянии провести грамотный семантико-функциональный анализ интересующих их языковых единиц. Многого ли в таком случае можно ожидать от людей далеких от переводческой профессии?

Более того, английский язык далеко не единственный возможный «поставщик» латинской графики для русского текста. И даже если человек, чтобы без запинок читать газеты на своем родном языке, подучит английский, его все равно ожидает разочарование – названия компаний неанглоязычного происхождения. Так ли уж всем очевидно, что *A. Lange & Söhne* – это *А. Ланге унд Зёне*, а не *А. Ланг энд Сохне*, что *BVLGARI* (компания подписывается именно так, на римский манер) – это *Булгари*, а не *Бвлгари* и не *Балгари*, что *Hautlence* – это *Отланс*, а не *Хаутленс* и что *Lamborghini* – все-таки не *Ламборджини*, а *Ламборгини*? Думается, вряд ли, тем более что оплошать можно и с английскими названиями: фирма *Nike*, известная англоговорящему миру как *Найки*, в русском изводе превратилась в *Найк* – именно так прочитает имя древнегреческой богини победы большинство людей, владеющих английским «на разговорном уровне».

А чтобы продемонстрировать, как подчас меняется мода на латиницу и как неоправданное злоупотребление ей ведет к отсутствию временной универсальности, приведу пример из книги «Хороший тон», изданной в 1885 г. Обсуждая этикет званого обеда автор пишет:

Порядок, в котором предлагаются вина, заслуживает тоже внимания. Хотя в случае большего или меньшего числа блюд порядок несколько изменяется, но за правило может быть принято следующее: после супа подается мадера или портвейн; ко второму блюду дают бургундское или *Bordeaux*, вообще – красные вина. После рыбы подают портер и эль; за *entre-mets*, напр., артишоками или спаржей следуют белые вина: рейнвейн, *Château-Yquem*, *Haut-Sauterne*. К жаркому подается *Bordeaux* или бургундское первого сорта (*grand crû*) и херес – к сладким блюдам. К десерту подаются: *Muscatel*, *Alicante*, *Malvoisie-Ximènès*, Токайское и т. п.²²

И далее:

Меню за редкими исключениями составляют на французском языке, и в этом нет ничего удивительного. В хорошем обществе предполагается всегда знание французского языка. Хотя некоторые названия блюд и переводимы, но по-русски они звучат как-то странно; многие же выражения невозможны для перевода, почему и принято для меню употреблять французский язык. Как Париж считается законодателем мод, так и французской кухне бесспорно принадлежит первое место, и совершенно понятно, если для обозначения чего-либо касающегося кухни употребляют французские выражения²³.

Но если взять вполне современную книгу, изданную в 2009 г., мы увидим там следующий пассаж:

Перечисление всех наименований спиртных напитков, имевшихся в продаже, заняло бы слишком много места, а поэтому ограничусь лишь некоторыми из них. Из столовых красных выберем «Пражский медок», «Церковное», «Бенекарло», из белых: «Вейн-де-Грав», «Сантуринское», «Кипрское старое», «Мушкатель» и «Бишоф». Из французских крепленых красных: «Сен-Жюльен», «Марго», «Шато-Лафит»... из белых французских:

²² Хороший тон. Сборник правил и советов на все случаи жизни общественной и семейной. – СПб.: Издание Германа Гоппе, 1885. – с. 336.

²³ Там же, с. 337.

«Лангоран», «Сотерн», «Шабли», «Шато д'Икем»... «Францвейн»... из шампанских: «Жакссон и сын». «Лабри», «Вдова Клико» и розовое «Бургонское»²⁴.

Видимо, названия французских вин могут в русской графике не выглядеть «как-то странно», и, когда знание французского языка перестало «предполагаться в хорошем обществе», текст «Хорошего тона» – автор которого следовал моде своего времени – оказался заметно устаревшим.

Может сложиться впечатление, что концепция пространственно-временной универсальности перевода призывает только к консерватизму, к употреблению в переводе только тех явлений ПЯ, которые закреплены в специальных справочниках (пространственная универсальность) и, следовательно, представляются более долговечными (временная универсальность). Действительно, такая практика уместна, когда переводчик имеет дело с текстами на исходном языке (ИЯ) или его фрагментами, лишёнными какой-либо оригинальности. Верное воспроизведение функционального рисунка оригинала невозможно, если нормативное, общезыковое, конвенциональное в ИЯ будет передаваться на ПЯ нетрадиционными, новаторскими средствами.

Рассмотрим предложение “There was a little kid standing next to me, with a cowboy hat on practically over his ears, and he kept telling his father, "Make him come out, Daddy. Make him come out.”” При всём желании в нём невозможно увидеть чего-либо выбивающегося из нормы и узуса американского варианта английского языка. Может быть, относительная простота лексики и немного рваный синтаксис покажут, что это устная речь человека, говорящего «по-простому», не «по-учёному». Но на этом отклонения от некоего немаркированного стандарта заканчиваются. На этом основании Рита Райт-Ковалёва вполне логично перевела это место – а перед нами цитата из книги Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» – как: «Рядом со мной стоял мальчишка в ковбойской шляпе по самые уши и всё время повторял: – Пап, заставь его выйти! Пап, заставь его!» Однако в гораздо более позднем переводе М. Немцова («Ловец на хлебном поле») то же самое место выглядит следующим образом: «Возле меня пацанчик стоял, у него ковбойская шляпа на самые уши наехала, так он все время канючил **штрику** своему: – Па-ап, ну пускай он вылезет. Пускай вылезет, а?»

Не вдаваясь в разбор прочих несуразностей, обратим внимание только на выделенное слово. Наверное, не будет преувеличением сказать, что слово *father* знакомо каждому носителю английского языка. Что же касается «штрика», то только обращение к таким источникам, как «Словарь воровского жаргона»²⁵, позволило установить, что имеется в виду «старик». При ознакомлении с текстом «Ловца» приходится сделать вывод о том, что вышедший в 1960 г. перевод Райт-Ковалёвой и в наши дни гораздо более универсален в пространственно-временном отношении, чем немцовский перевод 2008 г., изречения из которого – вроде «путёвой фигни с каруселями» (*one nice thing about carousels*) или «глядит уматно» (*looking at me sort of funny*) – маловразумительны как для сегодняшней аудитории, так и, скорее всего, для аудитории будущего. Выскажем даже предположение, что перевод Райт-Ковалёвой за 50 лет приобрёл даже большую «современность», так как английский язык за эти годы сильно огрубел. Выражения вроде *all that David Copperfield kind of crap, they're also touchy as hell, my whole goddamn autobiography, freezing my ass off* и т.п. могли шокировать добропорядочную американскую общественность 50-х, но сегодня, на фоне современной литературы и кино, звучат хотя и грубовато, но вполне терпимо.

Кстати, было бы ошибкой думать, что взъерошивание старых текстов блатным арго – новация М. Немцова. В качестве примера возьмем одну строфу из байроновского «Дон-Жуана» в переводе Г. Шенгели, вышедшем в конце 40-х годов прошлого века.

²⁴ Андреевский Г.В. Повседневная жизнь Москвы на рубеже XIX–XX веков. – М.: Молодая гвардия, 2009. – с. 412.

²⁵ <http://www.slovari-online.ru>.

<p>He from the world had cut off a great man, Who in his time had made heroic hustle, Who in a row like Tom could lead the van, Booze in the ken, or at the spellken hustle? Who queer a flat? Who (spite of Bow-street's ban) On the high toby-spice so flash the muzzle? Who on a lark, with black-eyed Sal (his blowing) So prime, so swell, so nutty, and so knowing?</p>	<p>Он парня знатного и смелого притом Спровадил в гроб, – и где бывшая слава ныне? Кто «стенку» вел в бою отважнее, чем Том? Кто мог смелей бузить в обжорке иль в «малине»? Колпачить «фрайеров»? Пускай шпики кругом, Кто «бимборы» срывал так ловко с каждой «дыни», Кто с черноглазую марухой Салли был Галантереен столь, шикозен, клёв и мил.</p>
--	--

Трудно поверить, что это написано 60 с лишним лет назад: такие стилистически нелепые (или постмодернистские – как кому нравится) обороты, как «клёв и мил», кажутся порождением наших дней. «Так вместо многокрасочного языка Байрона получается в переводе клочковатость, неустоявшаяся, ничем не объединённая языковая смесь, – писал об этом переводе И.А. Кашкин. – В этом сказывается и всеядность переводчика, и ошибочный критерий отбора: здесь и засорение языка обветшавшей символистской лексикой, и гурманское пристрастие к дешёвой экзотике и блатным словам, и неуместные в данном контексте неологизмы»²⁶. И дальше: «Г. Шенгели претендует на новое слово в переводе, но в его “новизне” старина слышится»²⁷.

Перевод, уже в момент своего создания неспособный верно интерпретироваться широкой читательской аудиторией, не мог рассчитывать и на временную универсальность. Неслучайно позднее перевод Г. Шенгели был вытеснен выполненным в 1959 г. переводом Т. Гнедич, в котором процитированная выше строфа выглядит так:

Он мир лишил великого героя –
 Том-капитан был парень первый сорт:
 Краса «малин», по взлому и разбою
 Не в первый раз он побивал рекорд.
 Очистить банк и смыться от конвоя
 Умел он изумительно, как черт,
 Как он шикарил с черноокой Салли!
 Все вору королем его считали.

В заключение приведём пример того, как один перевод, выполненный чуть ли не на век раньше второго, всё же местами звучит понятнее и современнее:

Ch. Dickens. The Personal History of David Copperfield	Пер. А.В. Кривцовой и Е.Л. Ланна (1940-е)	Пер. И.И. Введенского (1850-е)
A dream of their coming in with Dora... of my wondering, even then, why pew-openers must always be the most disagreeable females procurable.	Снится мне – они входят с Дорой... и снится мне, что даже в ту минуту я недоумеваю, почему эти сторожихи должны быть самыми неприятными особами женского пола, каких только можно выбрать.	И вижу я в этом сонном видении, как входит Дора, сопровождаемая своей свитой... и как я удивляюсь, отчего все сторожихи – самые неприятные и безобразные женщины в мире...

Здесь синтаксическая калька вкупе с книжной лексикой создаёт ощущение тяжело-весной архаики, вряд ли оправдываемой задачами намеренной архаизации. Как отмечают специалисты, даже при намеренной и оправданной архаизации в переводе «нельзя без необходимости использовать устаревшие слова с неясной современному читателю семантикой и перегружать текст перевода архаизмами настолько, чтобы читатель, вместо того чтобы

²⁶ Кашкин И.А. Традиция и эпигонство // Для читателя-современника. – М.: Советский писатель, 1968. – с. 428.

²⁷ Там же. С. 432.

следить за сюжетом и сопереживать героям, ломал голову над смыслом фразы там, где автор головоломок не создавал»²⁸.

Пока мы рассматривали случаи соблюдения и несоблюдения принципа универсальности относительно более или менее конвенциональных явления ИЯ. Однако и при передаче необычных явлений оригинала, требующих на ПЯ нетривиальных вариантов, различия между пространственно-временной универсальностью и её отсутствием сохраняются. Описывая стратегию переводчика при работе со своеобразными явлениями оригинала, В.К. Ланчиков отмечает: «В этом случае переводчику можно и нужно пойти на языковое новаторство вплоть до создания новых слов и непривычных словосочетаний, но с учётом сложившейся в языке традиции “создания непривычного” и всё той же нормы и узуса. Если же переводчик начнёт с размаху творить, не считаясь с традицией и внутренней логикой своего языка, то коммуникативный эффект будет так же не передан, как и в случае полного отказа от новаторства»²⁹. Далее мы рассмотрим, как именно эта стратегия может применяться или не применяться в переводе.

Для начала можно кратко коснуться классической темы говорящих имен и названий, которые неизменно ассоциируются с отклонениями от нормы и авторской индивидуальностью. П. Ньюмарк описывает алгоритм передачи говорящих имен так: «Сначала надо перевести слово, лежащее в основе имени собственного, потом придать ему форму, свойственную именам на ИЯ, создав тем самым новое имя на этом языке (как правило, это допустимо лишь в тех случаях, когда имя персонажа ещё не очень хорошо известно образованной части носителей ПЯ). Так, переводя на немецкий, ‘Miss Slowboy’ можно передать как *Flaubub*, а потом превратить в ‘Flowboob’, переводя на французский – передать как *Lentgarçon*, а потом превратить в “Longarson” <...> Майкл Холман удачно применил этот метод, передавая имена героев романа Л.Толстого «Воскресение»: Набатов → ‘alarm’ → ‘Alarmov’, ‘Toksinsky’; Топоров → ‘axe’ → ‘Hackitov’, ‘Hatchetinsky’; Хорошавка → ‘pretty’ → ‘Belle’, ‘Chi-Chi’»³⁰.

В рассказе Э. По “The Devil in the Belfry” действие происходит в выдуманном голландском городке, жители которого свято чтут все, что связано с часами и точным временем. Автор щедро пародирует голландский (немецкий) акцент и бросает россыпь говорящих имён собственных, представляющих собой онемеченные формы английских слов и выражений. В переводе В. Рогова некоторые из них переданы так: *Vondervotteimittiss* (название городка) – Школькофремен, *Grogswigg* – Шнапстринкен, *Stuffundpuff* – Сорундвздор, *Gruntundguzzell* – Тшафкенхрюкен.

Все имена как в оригинале, так и в переводе единственные в своем роде, придуманные по случаю, но произведены они по хорошо известным моделям, гарантирующим как переводу, так и, надо полагать, оригиналу пространственную и временную универсальность. В. Рогов – вполне сообразно с рекомендацией П. Ньюмарка – переводит английскую основу имён на русский язык, выбирая фонетически удачные и смешные варианты, и придаёт им не английское, а немецкое звучание (как и предполагал замысел Эдгара По), используя хорошо известные в русской литературе, а потому однозначно интерпретируемые читателем способы изображения немецкого акцента. Исключение составляет имя «Шнапстринкен», созданное из немецких слов, но тех, которые знакомы широкому кругу русских читателей, даже совершенно не владеющих немецким³¹.

На фоне перевода В. Рогова беспомощным как с точки зрения функциональной адекватности, так и с точки зрения универсальности представляется перевод К. Бальмонта, в котором говорящие имена не переданы совсем. Ср.:

²⁸ Ланчиков В.К., Мешалкина Е.Н. Китайцы на маскараде, или Худло от Настика // Мосты № 3(19)/2008. – с. 21.

²⁹ Ланчиков В.К. По законам вообщистики // Мосты № 1(17)/2008. – с. 19.

³⁰ Newmark P. A Textbook of Translation. – Harlow: Pearson Education Limited, 2008. – с. 215.

³¹ Подробнее о передаче говорящих имён собственных см.: Галь Н. Слово живое и мёртвое: от «Маленького принца до “Корабля дураков”». – М.: Междунар. отношения, 2001. – с. 195–204.

Э.А. По	Пер. В. Рогова	Пер. К. Бальмонта
Touching the derivation of the name Vondervotteimittiss, I confess myself, with sorrow, equally at fault... Perhaps the idea of Grogswigg – nearly coincident with that of Kroutaplenttey – is to be cautiously preferred... I do not choose, however, to commit myself on a theme of such importance, and must refer the reader desirous of information, to the “Oratiunculæ de Rebus Proeter-Veteris,” of Dundergutz. See, also, Blunderbuzzard “De Derivationibus,” pp. 27 to 5010, Folio, Gothic edit., Red and Black character, Catch-word and No Cypher; wherein consult, also, marginal notes in the autograph of Stuffundpuff, with the Sub-Commentaries of Gruntundguzzell.	С прискорбием сознаюсь, что происхождение названия «Школькофремен» мне также неизвестно... Быть может, гипотеза Шнапстринкена, почти совпадающая с гипотезой Тугодумма, при известных оговорках заслуживает предпочтения... Однако я не желаю компрометировать себя, высказывая мнения о столь важной теме, и должен отослать интересующегося к труду “Oratiunculæ de Rebus Praeterveteris”, сочинению Брюхенгромма. Также смотри Вандерстервен, “De Derivationibus” (стр. 27-5010, фолио, готич. изд., красный и чёрный шрифт, колонтитул и без арабской пагинации), где тоже можно ознакомиться с постраничными примечаниями Сорундвздора и комментариями Тшафкенхрюкена.	Касательно происхождения наименования «Вондервоттеимиттисс» я в равной, признаюсь с прискорбием, беспомощности... Быть может, идее Грогсвигга – почти совпадающей с идеею Краутапленттея – должно отдать предпочтение... Я не буду, однако, компрометировать себя обсуждением темы столь важной и должен отослать читателя к “Oratiunculæ de Rebus Praeterveteris” Дундергутца. См. также Блундербуццард, “De Derivationibus”, с. 27-5010, Фолио, готическое издание, красный и чёрный шрифт, колонтитул и без пагинации; причём обратите внимание на заметки на полях в автографе Штуффундпуффа, с комментариями Грунтундгущеля.

Переходя от говорящих имен к вопросам синтаксиса, рассмотрим отрывок из романа Ч. Паланика *Survivor* и его перевод, выполненный И. Тимофеевым:

Whether you clean a stain, a fish, a house, you want to think you’re making the world a better place, but really you’re just letting things get worse. You think maybe if you just work harder and faster, you can hold off the chaos, but then one day you’re changing a patio lightbulb with a five-year life span and you realize how you’ll only be changing this light maybe ten more times before you’ll be dead.	Если ты чистишь пятно, рыбу, дом, тебе хочется думать, что ты улучшаешь мир, но на самом деле ты всего лишь позволяешь вещам становиться хуже. Ты думаешь, что если работать лучше и быстрее, то, возможно, удастся сдержать хаос. Но в один прекрасный день, меняя во внутреннем дворике лампочку, которая прослужила пять лет, ты понимаешь, что за всю оставшуюся жизнь сможешь поменять не более десяти таких лампочек.
---	---

В оригинале мы действительно имеем дело с текстом маркированным, обладающим признаками авторского стиля. В первую очередь бросается в глаза личностный характер отрывка, апеллирование к читателю посредством местоимения *you*. Затем – прямой пессимизм, усиленный параллельным строением обоих предложений. Общая структура каждого из них такова: описание простого бытового действия, направленного на поддержание порядка и уюта, – указание на тщетность этого действия перед лицом разрушения и смерти. При этом несколько сбивчивый синтаксис оригинала вкупе с обилием вводных слов и мелких подробностей напоминает спонтанную устную речь. Кроме того, в первом предложении можно отметить случай зевгмы – заключающейся в единичном употреблении общего для нескольких однородных членов элемента: *you clean a stain, a fish, a house*, – маркированной, но довольно типичной для англоязычной прозы³².

³² См. Левицкая Т.Р., Фитерман А.М. Проблемы перевода. – М.: Междунар. отношения, 1976. – с. 126.

В переводе же стремление к странности разрушило то, ради чего эта странность, маркированность появилась в оригинале. Не приняв в расчёт, что в русском языке подобная интимность обращения к читателю, как правило, достигается при помощи обобщённых личных предложений, переводчик наводнил свой текст конструкциями с подлежащим «ты», заменив интимность назойливым тыканьем читателя в грудь. Невразумительные кальки «позволяешь вещам становиться хуже» и «сдержат хаос» затуманивают пессимистическую суть отрывка. Английская зевгма превращается в русском языке в резко маркированный силлепсис, причём построенный с нарушением правил русской сочетаемости (если чистить рыбу можно, то «чистить дом» звучит уже весьма натянуто, а «чистить пятно» нельзя).

Таким образом, более адекватным и более универсальным с точки зрения пространства и времени представляется перевод, в котором предусмотренный автором эффект будет достигнут за счёт более свойственных русскому языку конструкций. Например:

Когда выводишь пятно, чистишь рыбу, убираешь дом, хочется думать, что меняешь мир к лучшему. Но на самом деле всё только становится хуже. Убеждаешь себя: если приналеж на работу, может, удастся сохранить всё как есть, уберечь от разрушения. Но в один прекрасный день, вкручивая в садовый фонарь очередную лампочку, которая перегорает раз в пять лет, вдруг понимаешь: а ведь за всю жизнь тебе осталось сменить эту лампочку раз десять, не больше.

Как отмечал А.М. Пешковский, «если бы литературное наречие изменялось быстро, то каждое поколение могло бы пользоваться лишь литературой своей да предшествовавшего поколения, много двух. Но при таких условиях не было бы и самой литературы, так как литература всякого поколения создается всей предшествующей литературой. Если бы Чехов уже не понимал Пушкина, то, вероятно, не было бы и Чехова. Слишком тонкий слой почвы давал бы слишком слабое питание литературным росткам. Консерватизм литературного наречия, объединяя века и поколения, создаёт возможность единой мощной многовековой национальной литературы»³³.

В известной степени то же самое можно отнести и к языку переводов: переводная художественная литература только тогда способна стать частью здоровой литературной традиции, скажем, в русской культуре, когда переводчики «понимают Пушкина». Да и любой другой перевод, вскормленный «тонким слоем почвы», представляет собой растеньице весьма чахлое и нежизнеспособное.

Подводя итог этой статье, позволим себе сформулировать ряд тезисов, касающихся пространственно-временной универсальности перевода:

- 1) Чтобы перевод как можно удачнее выполнял свои функции для как можно более широкой аудитории в течение как можно более долгого времени, переводчику по возможности следует выбирать проверенные временем языковые средства: слова и выражения с устоявшимся значением, синтаксические конструкции с устоявшимся характером употребления и т. д.
- 2) Новое в языке (заимствования, лексические и синтаксические кальки и др.) опасно для переводчика как в пространственном отношении (велика вероятность того, что читатели перевода понимают смысл нововведений не так, как переводчик), так и во временном (новое зачастую исчезает из языка так же быстро, как и проникает в него).
- 3) Ориентация на устоявшийся языковой материал не ограничивает творческий инструментарий переводчика и не ведёт к обезличиванию переводов, поскольку

³³ Пешковский А.М. Объективная и нормативная точки зрения на язык // Цит. по: Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях: В 2 частях. Ч. 2. – М.: Учпедгиз, 1960. – с. 236–237.

речь идёт о более строгом отборе «строительного материала», но никак не о запрете на конкретные постройки из него.

- 4) Из конкретных рекомендаций переводчику можно привести следующие:
- имея дело с лишёнными ярких индивидуальных особенностей текстами оригинала, избегать в переводе неосвоенных заимствований, непонятных носителям ПЯ инокультурных реалий, противоречащих норме и узусу языка синтаксических конструкций и т. п.;
 - воспроизводя непривычные, индивидуально-авторские явления оригинала, ориентироваться на имеющиеся в ПЯ модели создания необычного;
 - учитывать малоупотребительные и забытые явления ПЯ, в первую очередь использовать их при необходимости воспроизвести в переводе ту или иную маркированность;
 - создавая неологизмы, отдавать предпочтение вариантам с более прозрачной внутренней формой;
 - среди заимствований отдавать предпочтение более старым, менее чужеродным для ПЯ по звучанию и более прозрачным – по значению;
 - оценивая уместность того или иного варианта перевода, проверять его употребление (или возможное употребление) в оригинальных текстах ПЯ, а также учитывать мнение носителей ПЯ.